

нельзя; оно судом может учитываться при назначении наказания исходя из характера и степени общественной опасности преступления и личности виновного, в том числе из смягчающих и отягчающих обстоятельств, а также влияния назначенного наказания на исправление осужденного и условия его жизни. В связи с изложенным предлагается дополнить ст. 60 УК РФ, ч. 4 текстом следующего содержания: «При назначении наказания мнение потерпевшего от преступления может учитываться с учетом обстоятельств, указанных в части 3 настоящей статьи».

Литература

1. *Иногамова-Хегай Л.В.* Конкуренция норм уголовного права. М., 1999.
2. *Кузнецова Н.Ф.* Проблемы криминологической детерминации / Под ред. В.Н. Кудрявцева. М., 1984.
3. *Сабитов Р.А.* Квалификация поведения лица после совершения им преступления. Омск, 1986.
4. *Мясников О.А.* Смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства в теории, законодательстве и судебной практике. М., 2002.
5. *Благов Е.В.* Обстоятельства, отягчающие наказание: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации для работников прокуратуры. М., 2011.
6. *Красиков А.Н.* Преступления против права человека на жизнь: в аспектах de lege lata и de lege ferenda. Саратов, 1999.
7. *Бойко А.И.* Пределы терпения потерпевшего от преступления и презумпция его правоты // Юридический вестник РГЭУ (РИНХ). 2003. № 1.

УДК 343.137

Аширбекова М.Т.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНТЕРЕСОВ ПОТЕРПЕВШЕГО В ХОДЕ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

В статье рассматриваются новеллы, предлагаемые в законопроекте № 173958-6; при этом особое внимание уделяется уголовно-правовым средствам обеспечения интересов лиц, признанных потерпевшими по уголовному делу.

In the article novels offered in the bill № 173958-6; particular attention is paid to criminal means to ensure the interests of the persons recognized as victims in the criminal case.

Ключевые слова: потерпевший; жертва преступления; правовое средство; ущерб.

Key words: the victim, the victim of the crime, legal means; damage.

В последние годы представители криминальных наук бьют тревогу по поводу того, что правовой статус и сама судьба пострадавших от криминальных посягательств лиц пока не стали предметом адекватной заботы государства. Конечно, невнимание к потерпевшим частично оправдывается тем обстоятельством, что уголовное и уголовно-процессуальное право представляют собой классические образцы публичных отраслей [1, с. 4]. Они должны в большей мере обеспечивать общую пользу, чем следовать ожиданиям и требованиям пострадавших. Такова неумолимая логика прогресса: «Чем сильнее крепнет государство, тем дальше отодвигается на задний план потерпевшее лицо», а «права общественного мстителя впол-

не и окончательно переходят к представителю государства» [2, с. 1089]. Последним историческим периодом, при котором мнение и интересы потерпевших от преступления весьма сильно влияли на карательную политику власти, была раннефеодальная эпоха композиций [3]. Она базировалась на преискуранте уголовных штрафов, на том, что «совершивший преступление с помощью рода расплачивался определенным количеством меновых единиц – ракушками, скотом, шкурами» [4, с. 15].

Через эту экономическую или финансовую ступень уголовно-правового регулирования прошли все страны феодальной Европы, включая Русь. Композиционные построения или дележ добычи (в форме материального

удовлетворения от виновного в преступлении) между пострадавшим и властью просуществовали несколько веков и закономерно уступили место другим соображениям и технологиям. Ныне криминальный закон строится на общегосударственных расчетах, он должен умиротворять все население, а не удовлетворять требования обиженных лиц. После эпохи композитий наступает длительный период государственного невнимания к жертвам деликтов; в треугольнике «государство-преступник-потерпевший» последний надолго и прочно перемещается на последнее место. Цивилизация на несколько столетий занялась облагораживанием уголовной политики в части соблюдения и уважения только прав обвиняемых. «Современное уголовное право, – писал почти сто лет назад А.А. Жижиленко, – даже упрекают за то, что оно слишком много внимания и забот уделяет преступнику, оставляя совершенно без всякого внимания потерпевшего от преступления» [5, с. 36]. В общем, жертва криминальных посягательств – «Золушка уголовного правосудия» [6, с. 1 – 9].

Интерес к фигуре пострадавшего от преступления, будем справедливы, до последнего времени возбуждался преимущественно в процессуальной науке, в рамках которой вносились предложения по расширению его прав [7] и даже разворачивались дискуссии [8]. Подобные всплески внимания, инициируемые законодательными кодификациями, наблюдаются и поныне. «Рассмотрение гуманизма лишь через призму минимально необходимой меры наказания или по возможности более мягкого отношения к лицу, совершившему преступление, – указывает проф. В.В. Мальцев из Волгограда, – оставляет в тени другое, помимо милосердия к преступнику, основание этих минимумов и возможности – гуманность по отношению к потерпевшему. Права и интересы потерпевшего и преступника, обеспечивающиеся в уголовном законодательстве в общей форме как права и свободы человека и гражданина, неразрывны и на конкретном, правоприменительном уровне при выборе меры гуманного отношения как к преступнику, так и к потерпевшему. Ведь наказание, назначаемое лицу, совершившему преступление, в то же время одновременно в существенной своей части выступает и мерой гуманного отношения к пострадавшему от этого преступления» [9, с. 52]. Из этого вытекает, что качество законодательного закрепления и удовлетворения материально-правовых

и процессуальных прав потерпевшего, реальная возможность их осуществления – важная проблема, требующая активного внимания ученых и практиков, желательно одновременно в содержательном и процедурном аспектах. Ведь «обеспечение эффективной защиты всего комплекса прав потерпевших от преступлений – насущная задача и конституционная обязанность государства. Неудовлетворительное выполнение государством этой задачи девальвирует саму идею правосудия, что не может не вызывать озабоченности и тревоги у гражданского общества» [10, с. 5 – 6].

В связи с этим представляют интерес предложения по совершенствованию уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального закона, сформулированные в конце 2012 г. в проекте Федерального закона № 173958-6 – «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» [11].

По содержанию проекта видится, что его разработчики следовали целям, указанным в Рекомендации Комитета министров Совета Европы «О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса» от 28 июня 1985 года № R (85) 11. Отметим, что указанная Рекомендация призывает «уделять больше внимания в системе уголовного правосудия физическому, психологическому, материальному и социальному ущербу, нанесенному потерпевшему, и рассмотреть, какие шаги желательны для удовлетворения его потребностей в этой связи» [12].

Собственно, эти шаги в направлении признания значимости потерпевшего как субъекта уголовно-правового, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального отношений выразились в целом комплексе мер, направленных на усиление соответствующих правовых средств удовлетворения интересов потерпевшего как жертвы преступления.

Одна из таких мер определена в предложенных дополнениях в часть 5 ст. 73, в части 2 и 3 ст. 74 УК РФ. Суть предлагаемых проектом дополнений заключается в применении резерва уголовно-правового воздействия на поведение условно осужденного с целью побудить его к реальному возмещению ущерба, причиненного потерпевшему. Согласно пред-

лагаемым новеллам возмещение осужденным ущерба потерпевшему не является основанием для условного осуждения, но является обязанностью, подлежащей исполнению в течение испытательного срока, устанавливаемого судом согласно нормам ч. 3 ст. 73 УПК РФ. Данное нормативное положение должно мотивировать осужденного как можно быстрее разрешать правомерные имущественные претензии потерпевших.

Понятно, что исполнение такой обязанности лицом, условно осужденным, отсрочено во времени. Нельзя не отметить и то, что эта мера не обеспечивает равенства среди потерпевших, поскольку не все привлекаемые к уголовной ответственности лица осуждаются условно. Кроме того, и среди условно осужденных не все лица могут иметь имущество или заработка, которые можно было бы использовать для сохранения условного наказания.

Между тем суммы ущерба, причиненного преступлением, растут из года в год. Так, только за январь-апрель 2013 г. ущерб от преступлений (по оконченным и приостановленным уголовным делам) составил 124,62 млрд. рублей, что на 69,9 % больше аналогичного показателя прошлого года. Причем половину всех зарегистрированных преступлений (43,3 %) составляют хищения чужого имущества, совершенные путем: кражи – 284,6 тыс. (– 4,2 %), грабежа – 31,6 тыс. (– 13,0 %), разбоя – 5,7 тыс. (– 7,4 %). Каждая четвертая кража (26,7 %) и каждый двадцать второй грабеж (4,6 %) и каждое пятнадцатое разбойное нападение (6,6 %) были сопряжены с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище. Каждое двадцать седьмое (3,7 %) зарегистрированное преступление – квартирная кража [13].

В свете приведенных данных предлагаемые проектом дополнения в ч. 5 ст. 73, ч.ч. 2 и 3 ст. 74 УК РФ являются одним из первых и важных шагов в направлении укрепления гарантий права потерпевшего на возмещение ущерба. В то же время ясно, что данная мера не может полностью заменить компенсацию вреда потерпевшим за счет государства, как это могло быть при реализации положений ст. 52 Конституции Российской Федерации. Установленная названной конституционной нормой обязанность государства обеспечить компенсацию ущерба, причиненного преступлениями потерпевшим, актуальна в случаях,

если преступление не раскрыто и уголовное дело не разрешено по существу либо если осужденный не имеет достаточных средств для возмещения ущерба, причиненного преступлением. Понятно, что реализация положений ст. 52 Конституции Российской Федерации – задача трудноразрешимая.

Очевидно, для решения данной проблемы нужно учредить специальный компенсационный фонд, пополняемый как за счет учреждаемого социального налога, так и за счет взыскиваемых штрафов как уголовных и административных наказаний. Впрочем, такого рода предложение выносились чиновниками и учеными на обсуждение юридического общества [10].

Тем не менее предлагаемое в рассматриваемом проекте дополнение ч. 5 ст. 73, ч.ч. 2 и 3 ст. 74 УК РФ является средством по своей природе сугубо уголовно-правовым. На это стоит специально обратить внимание, поскольку большинство формулируемых в юридической науке предложений заключается в закреплении уголовно-процессуальных средств защиты интересов потерпевшего. Многие предложения, выработанные в науке уголовно-процессуального права по проблемам потерпевшего не за один десяток лет, получили определенное отражение в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г., № 17 – «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве».

Если же говорить о возмещении потерпевшим ущерба, то в арсенале уголовно-процессуального закона, конечно, есть средства, обеспечивающие реализацию этой задачи путем применения мер процессуального принуждения, например, ареста на имущество в порядке ст. 115 УПК РФ. Но не «хлебом единым жив человек». На признание необходимости уважения чести и достоинства несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля, бережного отношения к их личности ориентированы положения новых частей 3, 4 и 5 ст. 137 УК РФ. Данные положения устанавливают уголовно-правовую охрану неимущественных интересов несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля.

Можно было бы предположить, что такие нематериальные блага, как «честь» и «достоинство» человека, характеризующие моральное и социальное самоощущение и самоо-

ценку личности, защищаются требованиями процессуального принципа уважения чести и достоинства личности (ст. 9 УПК РФ). Однако эти требования – общие, поскольку являются содержанием принципа как уголовно-процессуальной гарантии прав и интересов любого частного лица, вовлекаемого в уголовный процесс. Предлагаемые же дополнения к ст. 137 УК РФ являют собой меры уголовно-правовой охраны особой категории лиц – несовершеннолетних потерпевших и свидетелей как участников уголовного процесса. В этом смысле смоделированные составы преступления в предлагаемых частях 3, 4 и 5 к ст. 137 УК РФ выступают специальными по отношению к уже имеющимся общим составам преступлений в ст. 137 УПК РФ.

Кроме того, объективная сторона новых составов преступлений иллюстрирует конкретные действия, нарушающие требования принципа уважения чести и достоинства личности в уголовном судопроизводстве (ст. 9 УПК РФ). Конечно, можно допустить, что все обстоятельства, охватываемые диспозицией предлагаемых норм частей 3, 4 и 5 к ст. 137 УПК РФ, могут иметь место за пределами производства по уголовному делу. Иными словами, такие преступления могут быть совершены и не должностными лицами, ведущими уголовный процесс.

Тем не менее думается, что предлагаемые новые составы следовало бы отнести к категории преступлений против правосудия, имея в виду, что одной из основ последнего выступает принцип уважения чести и достоинства личности участников процесса. Кроме того, жертвами таких преступлений становятся несовершеннолетние лица, уже наделенные процессуальным статусом потерпевших и свидетелей по уголовному делу, производство по которому продолжается или завершено.

Уделяя внимание уголовно-правовым аспектам обеспечения прав и законных интересов потерпевшего, проект не предлагает законодательно уточнить материально-правовые основания признания лица потерпевшим. Однако это важно, так как действующий закон (ч. 1 ст. 42 УПК РФ) материально-правовым основанием признания физического лица потерпевшим называет причинение ему физического, имущественного, морального вреда именно преступлением. Между тем указанные виды вреда могут быть следствием и не преступления, а запрещенного уголовным

законом общественно опасного деяния, совершенного невменяемым лицом.

Кроме того, вред охраняемым интересам потерпевшего может быть причинен и при покушении на преступление. Справедливости ради надо отметить, что Верховный Суд РФ в приведенном выше постановлении указал на обязанность судов «иметь в виду, что вред потерпевшему может быть причинен как преступлением, так и запрещенным уголовным законом деянием, совершенным лицом в состоянии невменяемости. Если совершенное преступление являлось неоконченным (приготовление к тяжкому или особо тяжкому преступлению или покушение на преступление), суду при решении вопроса о признании лица потерпевшим следует установить, в чем выразился причиненный ему вред. При этом не исключается возможность причинения такому лицу морального вреда в случаях, когда неоконченное преступление было направлено против конкретного лица» [10, с. 16].

Полагаем, что суть приведенных положений Постановления Пленума Верховного Суда РФ должна быть законодательно закреплена в ч. 1 ст. 42 УПК РФ. В целом же достоинство проекта состоит в том, что в рассмотренных предложениях интересы потерпевшего связываются с реализацией норм уголовного закона о назначении наказания, а также в том, что в нем предусматривается комплекс правовых гарантий, в том числе и уголовно-правового характера.

В заключение особо обратим внимание на то обстоятельство, что проблемы защиты жертв преступлений и компенсации причиненного им вреда все больше интересуют мировое сообщество. В результате основания для гордости за национальное право [14, с. 30] постепенно утрачиваются, и вот почему.

Прошедший в 2000 г. X Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями [15] в своей итоговой резолюции (Документ А/CONF. 187/15) призвал страны мира вырабатывать Национальные модели реституционного правосудия, иметь внутригосударственные стратегии, затрагивающие коренные причины и факторы риска, связанные с преступностью и виктимизацией, создать четкие планы поддержки жертв преступлений, развивать механизмы посткриминального посредничества. К сожалению, пока Россия не может отчитаться

реальными достижениями в на этом направлении. Решением Конгресса давно ушедший в историю 2002 год был объявлен предельным сроком «для проведения государствами обзора их соответствующей практики, укрепления служб по оказанию помощи потерпевшим и проведения кампаний по ознакомлению с правами потерпевших, а также рассмотрения вопроса о создании фондов для потерпевших, в дополнение к разработке и осуществлению политики защиты свидетелей». Разумеется, никто из специалистов по борьбе с преступностью не заметил особой активности нашей власти в этом направлении, хотя бы на уровне Постановления Пленума Верховного Суда РФ или отдельной строки в российском бюджете 2003 – 2013 годов. Мировое сообщество настоятельно рекомендовало национальным правительствам «активно содействовать широкому распространению» [16] двух методических пособий, подготовленных Центром по международному предупреждению преступности («Руководство по осуществлению Декларации 1985 г. для лиц, ответственных за разработку политики», и «Справочник по принципам правосудия в отношении потерпевших»). По нашим сведениям, эти наставления не дошли до территориального суда, прокуратуры или райотдела внутренних дел ни в переводе, ни на английском языке. Наконец, нужно признать и то обстоятельство, что российское законодательство отстает от зарубежного «в части создания компенсационных фондов государства по возмещению вреда, причиненного потерпевшему», что особенно нетерпимо по нераскрытым преступлениям и в «обеспечении безопасности потерпевших по уголовным делам» [17, с. 34 – 35].

Резюме: совсем недавно в вопросе защиты прав потерпевших от преступлений мы были лучшими, примером для других стран, а теперь лидерство утрачиваем и уже частично отстаем от передовых (международных) юридических позиций. Ситуацию нужно исправлять: этому посвящена наша статья и обсуждаемый в ней законопроект.

Литература

1. Хотя справедлива и та мысль, что «лица, потерпевшие от преступлений, участвуя в уголовном процессе, защищают не только свои личные интересы, но и общественные интересы борьбы с преступностью». – Кокорев Л.Д. Потерпевший от преступления. Воронеж, 1964.
2. Таганцев Н.С. Лекции по русскому уголовному праву. Часть Общая. СПб., 1890, Вып.3.
3. От лат. compositio – соглашение.
4. Уголовное право. Общая часть. М., 1948.
5. Жижиленко А.А. Очерки по общему учению о наказании. СПб., 1924.
6. Бойко А.И. О золушке уголовного правосудия замолвите слово... // Южнороссийский адвокат. 2005. №4 (15). Август-октябрь.
7. См., напр. Анашкин Г.З. Некоторые вопросы кодификации уголовно-процессуального законодательства РСФСР // Советская юстиция. 1957. № 2; Кареев Д.П. Вопросы уголовного процесса в связи с проектом УПК СССР // Социалистическая законность. 1954. № 2; Полянский Н.Н. Процессуальные права потерпевшего. // Советское государство и право. 1940. № 12; и др.
8. Арсеньев Б. Надо ли расширять права потерпевшего в уголовном процессе // Сов. юстиция. 1939. № 23 – 24; Гальперин И.М. Об уголовном преследовании, осуществляемом потерпевшим // Сов. государство и право. 1957. № 10.
9. Мальцев В. Принцип гуманизма в уголовном законодательстве // Российская юстиция. 2002. № 7.
10. Лукин В. Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений: Специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. М., 2008.
11. Законопроект № 173958-6. Официальный сайт Государственной Думы РФ. [Электронный ресурс] URL: <http://asozd.duma.gov.ru/main.nsf/> (Дата обращения: 10 мая 2013 г.)
12. Рекомендация Комитета министров Совета Европы «О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса» от 28 июня 1985 года № R (85) 11. [Электронный ресурс] / Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Сведения о состоянии преступности: январь – апрель 2013 г. Официальный сайт МВД РФ. [Электронный ресурс].URL: www.mvd.ru (Дата обращения: 11 мая 2013 г.)
14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29. 06. 2010 г., № 17 – «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» // Российская газета. 2010. 7 июля (№ 147).

15. В.Н. Осипкин пятнадцать лет писал, что «российское уголовно-процессуальное законодательство предоставляет потерпевшему больше прав, чем нормы международного права или законодательства стран, придерживающихся континентальной системы уголовного судопроизводства». – Потерпевший. СПб., 1998. С. 30.
16. Ниже его решения цитируются по: Десятый Конгресс Организации Объе-

- диненных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями: Сборник документов // Сост. А.Г. Волеводз. М., 2001.
17. Осипкин В.Н., Потерпевшей. СПб., 1998.

УДК 343.126

Ханаев И.М.

СРОКИ СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ ПОДСУДИМОГО

В статье исследуется проблема недостаточной правовой урегулированности содержания под стражей подсудимого. Автором предлагаются сроки применения данной меры пресечения и правила их продления, установление которых в уголовно-процессуальном законе гарантирует баланс интересов личности и общества.

The article investigates the problem of insufficient legal regulation of detention of the accused. The author offers periods of possible application of this measure and the rules for the extension, the establishment of which in the Criminal Procedure law guarantees the balance of interests of the individual and society.

Ключевые слова: мера пресечения, заключение под стражу, суд, прокурор, защитник, подсудимый.

Key words: the measures of restraint, detention, court, prosecutor, lawyer, accused.

На протяжении длительного периода основное внимание российских процессуалистов при изучении вопроса о сроках содержания обвиняемого под стражей было обращено только на стадию предварительного расследования. Между тем немало вопросов вызывала и непростая ситуация, сложившаяся при рассмотрении уголовных дел в судах: подсудимые содержались под стражей месяцами и даже годами, порой гораздо дольше, нежели на стадии предварительного расследования.

Актуальной остается проблема недостаточной правовой урегулированности содержания обвиняемого под стражей в период окончания предварительного расследования и направления уголовного дела в суд, при назначении судебного заседания и в ходе разбирательства дела в суде первой инстанции, а также при направлении дела на новое рассмотрение в случаях отмены приговора вышестоящим судом. Ответы на возникшие по этому поводу на практике вопросы попытался дать Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 22 марта 2005 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения за-

ключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан» [1]. По итогам рассмотрения жалоб в рамках данного Постановления были сделаны следующие выводы:

1. Судебные гарантии свободы и личной неприкосновенности не могут сокращаться или приостанавливаться и в период после окончания предварительного расследования и передачи уголовного дела в суд (ч. 2.3).

2. Содержание обвиняемого под стражей без судебного решения, в том числе после направления прокурором или вышестоящим судом уголовного дела на рассмотрение в суд, недопустимо (ч. 3.2, п. 1, 2 ч. 4) [2].

3. Суд обязан проверять обоснованность применения заключения под стражу в целях охраны прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства и надлежащего проведения судебного разбирательства в разумный срок, обеспечивать своевременное рассмотрение вопроса о продлении срока содержания под стражей до истечения срока, установленного предыдущим судебным решением (ч. 3.1).